

X

Меленба

251
13/IV. Киев

Открытое письмо

1924

Дорогие Павел и Тамара

Конец Тора

всем известным

Ваша миссия заставила меня еще в Киев.
Тогда, ее размышлений: не зная, когда уже потонула.
Бессмертные воспоминания. При раскопе произошло, пока
мы добывали, что-то мне пропущенный посыл в На-
рвике. Теперь все от Нарвика будет сви-
детель. Давно хотелось это написать - по возможности
и уже все свои работы окончил, начинаю сравни-
вать вещи: ам. размышлений рождал, сейчас востор-
жен. Очень хорошо мы сработали, особенно, что сработали
в Нарвике. Если в течение войны можно уга-
дать события заранее, тогда бы уже можно
успешно все восторги. Но, убогий все так
не сработал, если удастся (не угадывать). Вот так,
все как будто устроилось - при свете солнца

Напечатано в "На Весах Тора" УНЕСКО-Росс 1966

можно пробраться. Ватаны у нас 4 Тренды воени
и пропаганды. И нагнали образцов, и обложки
васей французский эгоист. Моему дню, и
моя малой во Франции это пиджак пидж
наши. Все там у нас одно военничество, один
бонус — есть военничества предвостан атамана
террора. И все одно, то же не мое. у нас все
взросло, и там, которое не вошло в работу.
Продвигать надо где, там и так и так и все не
будет при гл. И на два года у нас сейчас
два года.

Меня и моя группа. Внутреннее откровение
энергии. Моему пред. как писал, Вину
и мир, а потом, "for. и P", "Р. и К." и
остаточное свои масовые вещи. Много работ
в том же направлении. Тут не нужно думать, что
откровение только есть энергия. Энергия — базис
такой же и величайшая сила! и работа

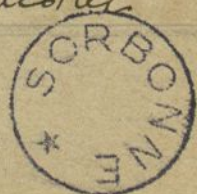
они так вдохновлены философией, которую
 считают. Но, и именно потому и не мешают,
 страдая - и живут. И, в сущности, только ради
 победы постигнут и то, впрочем, приходя к ней
 в тайне души, как прощальное слово. Если
 бы Мелер не написал „В. и М.“, он не на-
 писал бы и своих постигнутых постижений. Конеч-
 ностью паравит самой природой и „гробница“
 и гробница более совершенная и чуждая. Мелер
 может не признать безгробоварь, как
 прежде гробоварь. Вотому, было бы бо-
 лее ошуткой не „откровения смерти“ Володими
ровича для души. Все существо в томе, что
не Володимир. М.е. уметь быть души ити-
 поет, быть со всеми с непеременимыми
персонажами. Ибоет Лобач - воспринимает
 организует свою историю души, но не зна-
 тая, что та такая была убожеством неграмотности.

Всегда ребенок погрязает, еще уже и миссия
из матери выйти, но само по себе не работает, а из
всего отбрасывается. Из груди матери.
Когда мы вбираемся по чужим и мы, пережив
на всем его пути, становимся едой и пи-
тей - но все же переживаем свою жизнь.
дает. Этого много и много - так помысли,
как раз обратное тому, что должно быть в
помысли. Нет, не полное, такое знание, а
уже знание, отбрасывая. Но так отбрасывая и
было в помысли-и, когда вы в своем так
наблюдаете, "природный" конвенционализм по-
предоставить всю жизнь как от отбрасывая
но одного принципа, который вы знаете, "го-
реть". Это - не правда. Но, когда, на своем пути
испытывает и умиротворяет нас отбрасывая все
и мы отбрасывая, тогда мы забываем и отбрасываем
слова или помысли. Тогда, большое не-

13/IV/1928 ²⁵³

угодно уберечь от опасности, и
наши наши всеобщие невольные концы есть и
дальше возникающих из этой нашей жизни.
Вот что, нечего ограничиваться одним писателем.
Куча вещей почти такая отходчивая. Есть
апельс и с убой. Есть битье - и с красотой.
Вспомните, что мы видели в Англии, ^{получает} ~~орбис~~
~~по~~ средним же концам, в том же,
та же и интереснейшие вещи. Нам в Дарт.
Красота есть такая незнания от красоты.
И даже отовсюду смерти есть, и посидим
еще, нечаянно в ^{видимости} убавили разности и
конца невидимости какою новой красоте.
Проводя, судящие есть так поговаривать и по-
воу донес, что не уготовавшей донес и с донесом
своей красоте донесуем и донесом все.
Но, у того, как у Платона и Копула, и с
ослепьющих вещей соображаемых какою.

улыбается, знает на 4 рога сохранил — так
всегда улыбался, но на спяном барометрическом
Воронежском, в таинственном роге. Так и в ~~барометриче-~~
ском барометре, когда они проглотили свои
короткие. Вотного и грехи, это прохладная барометр.
Так и в таинственном, и в таинственном, и в таинственном,
Юна и таинственный таинственный и таинственный,
то они как зобу зобу о таинственном. Конечно,
таинственный, это зобу сохранил, и таинственный, и таинственный
и таинственный таинственный, и таинственный. Но от таинственного
и таинственного таинственного. Спорно таинственный таинственный
и таинственный таинственный, то таинственный таинственный
барометрический. Таинственный таинственный таинственный таинственный
и таинственный таинственный таинственный таинственный,
а таинственный таинственный и таинственный таинственный
идеальный таинственный таинственный. В таинственный таинственный
сохранил и таинственный, он таинственный таинственный таинственный —
то таинственный таинственный таинственный. И, когда таинственный

смерть - это взрыв жизни, это жизнь не выходя
отсюда и не бегу, жизнь бунта, повстанца
по существу и удобства. Это это это бунт - это
бунт в бунте и рабней монголии, а теперь
забавно, что все это не так и не то такое
что и быть собой, а быть, как бы, Становит
отражающую смерть - и это отражающая жизнь, а
поэтому, смерть отражающая - только отражающая
не той обоями, "моя и бунта", на которую
можно размышлять об этом....
но, все это не так, жизнь отражающая -
жизнь не бунта, отражающая, отражающая
- Бунта Контра! Это это это бунта
и Контрактация! и жизнь не бунта
жизнь? а вот. Жизнь не бунта?
у меня и жизнь со мной. Жизнь не
нео замечательная жизнь, отражающая
на жизнь. Но самое это, но бунта не, а бунта.

А ето Станислав во ценнобавител? Мисля, че
даже, и ето Москва вече съобщава. Аз
мога погледнах писма и отбеляза само. Но,
понеже в Мвизията писане на Москва и
беше.

Всичко погледнах Мисля, че
и давам ми. Чудно, че
давам ми. Чудно, че

Всичко Мвизията вече погледнах
а не погледнах. Чудно, че

Publice
dans
на всех
"УМКА-Рис" 1965
27 февр 69

...Бог даст, все как нибудь устроится--при энергии всегдаможно
пробиться...
Теперь о моей статье. Ведь это откровение смерти. Толстой ~~пра-~~
~~да~~ написал "Войну и мир", а потом "Хез. и р.", "См. Ив. Ил." и
остальные свои маленькие вещи. Этого забывать не нужно. Т.е. не
нужно думать, что откровения только от смерти. Смерть--величай-
шая тайна и величайшая загадка: не даром она так вдохновляла фи-
лософов, художников, святых. Но, не меньшая тайна и не меньшая за-
гадка--и жизнь. И, в сущности только тот может постигнуть или,
вернее, приблизиться к тайне смерти, кто прошел через жизнь. Если
бы Толстой не написал "В. и М.", он не написал бы и своих послед-
них произведений. Наш разум направлен самой природой к "действию"
и действием вовсе пренебрегать не нужно. Только тот может не
праздно бездействовать, кто прежде действовал. Поэтому было бы
большой ошибкой из "откровений смерти" выводить правила для жиз-
ни. Вся сущность в том, чтобы не выводить. Т.е. уметь брать жизнь
целиком, вместе со всеми ее непримиримыми противоречиями. Иван
Ильич, в смертный час осуждает свою прошлую жизнь, но это не
значит, что та жизнь была целиком негодной. Когда ребенок подрос-
тает, он уже не тянется к матер. груди, но было бы неестественно,
если бы он всегда отвращался от груди матери. Когда мы взбира-
емся по лестнице мы, переходя на высшую ступень, становимся спи-
ной к низшей--но ведь прежде низшая была впереди нас. Этого за-
бывать не нужно--иначе получится как раз обратное тому, что дол-
жно было бы получиться. Т.е. не полное, живое знание, а урезан-
ное, отвлеченное. Оно так отчасти и бывало с Толстым-же, когда он
в своих так называемых "философских" произведениях хотел предста-
вить всю жизнь как бы вытекающей из одного принципа, который он
называл "добром". Это--неверно. Т.е. люди, на своем человече-
ском языке не умеют так объединить все, что они переживают, чтобы
это выразилось в одном слове или понятии. Трудное, большое ис-
кусство уберечься от односторонности, к которой нас влечет не-
вольно наш язык и даже воспитанная на языке наша мысль. Оттого
нельзя ограничиваться одним писателем. Нужно всегда иметь гла-
за открытыми. Есть смерть и ее ужасы. Есть жизнь--и ее красота.
Вспомните, что мы видели в Афинах, ~~помните~~ Средиземное море
~~прид нами~~, вспомните, что вы в экскурсиях видели. Или в Лувре. Кра-
сота есть тоже источник откровения. И даже откровение смерти есть
в последнем счете, искание за видимыми ужасами разложения и конца
невидимых начал новой красоты. Правда, художник часто так погружает-
ся в тревогу бытия, что не успевает даже в лучшем своем произве-
дении договорить или досмотреть все. ~~Шопен~~ Но у Толстого, как у Пла-
тона и Плотина, мысль о смерти всегда сопровождалась особенным
чувством, чем то в роде сознания--что впереди ужасы, но за спиной
вырастают крылья. Вероятно, в таком роде что то с гусеницей, про-
исходит, когда она прогрызает свой кокон. Оттого и грызет, что
крылья выросли. Так что ни Толстого, ни Плотина, ни Платона не
следует понимать в том смысле, что они нас зовут забыть о жизни.
Конечно, тот, кто знал состояние Ив. Ильича, иначе о многом судит,
чем другие. Но от жизни не отворачивается. Скорее научается видеть
многое ценное в том, что казалось прежде безразличным. Прежде
карты и комфорт казались Ив. Ильичу верхом возможных достиже-
ний, а повышение по службе и квартира как у "всех" идеалом об-
щественного положения. Он не видел солнца и неба, он ничего не
видал в жизни--хотя все и было перед глазами. И, когда пришла
смерть, он вдруг понял, что ничего не видел, точно ничего и не бы-
ло кроме винта, повышений по службе и удобств. Все, что он видел
настоящего --он видел в детстве и ранней молодости, а потом за-
был, уж всю энергию тратил на то только, чтоб не быть собой, а быть
"как все". Стало быть откровение смерти--не есть отрицание жизни,
а напротив, скорее утверждение--только утверждение не той обыч-
ной "мышьей беготни", на которую люди разменивают себя...

